

Миланский эдикт и христианская свобода

Выступление митрополита Волоколамского Илариона, председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, на годовичном акте Санкт-Петербургской духовной академии 9 октября 2013 года.

В этом году во всем христианском мире торжественно отмечают 1700-летие издания Миланского эдикта. Только что я вернулся из сербского города Ниш, где родился святой равноапостольной император Константин. Там прошли межправославные торжества, посвященные юбилею документа, ставшего судьбоносным для истории христианства. Святейший Патриарх Кирилл принял участие в торжествах вместе с главами других Поместных Православных Церквей, включая Патриархов Константинопольского, Иерусалимского и Сербского.

Для Русской Православной Церкви год 1700-летия Миланского эдикта совпал с другим знаковым юбилеем – 1025-летием Крещения Руси. Это совпадение позволяет нам задуматься об историческом пути Церкви, поразмышлять о древнем событии, положившем начало новой христианской цивилизации, но одновременно с этим оценить и нашу собственную недавнюю историю. То, что мы пережили и чем продолжаем жить сегодня, можно с уверенностью назвать «вторым крещением Руси». На мой взгляд, наша эпоха – эпоха возрождения Церкви – имеет в себе нечто глубоко сходное с эпохой, последовавшей за обнародованием Миланского эдикта. Связью времен выступает понятие свободы. Именно на тему христианской свободы я и хотел бы поразмышлять сегодня.

Миланский эдикт – по сути, первый официальный государственный документ в Римской империи, благодаря которому «кафолическая Церковь» получает не только право на существование, но также государственное и общественное признание. Если до этого христиан гнали и истребляли, если они могли существовать лишь в катакомбах и глухом подполье, то благодаря Миланскому эдикту христиане впервые, наравне с язычниками, получили право открыто исповедовать и проповедовать свою веру, строить храмы, открывать монастыри и школы. Огромным достижением константиновской эпохи стало признание Церкви в качестве полноценного участника общественных процессов, позволившее ей не только свободно устраивать свою внутреннюю жизнь, но и оказывать существенное влияние на жизнь государства и общества.

Многие христиане того времени еще помнили, как гонители выдавливали Церковь из общественного пространства, загоняли ее в гетто. Многие были исповедниками с судьбами, изломанными насилием и притеснениями. Красноречивые, но одновременно исполненные боли

воззвания мужей-апологетов II—III веков к государственным лидерам Римской империи для многих христиан начала IV столетия оставались правдой их собственной жизни.

Мы прикасаемся к мировосприятию христиан эпохи гонений, читая, например, Апологию Тертуллиана. Он восклицает: *Мы существуем со вчерашнего дня, и наполнили собою все ваши места: города, острова, крепости, муниципии, места собраний, самые лагеря, трибы, декурии, дворец, сенат, форум. Одни только храмы ваши мы оставили вам. К какой открытой войне мы не были бы способны, на какую войну мы не были бы готовы, хотя бы и уступали вам в силе, — мы, которые так охотно дозволяем умерщвлять себя, если бы нашим учением не повелевалось нам скорее быть самим умерщвленными, чем умерщвлять других? Мы могли бы сразиться с вами и без оружия, и без бунта, отделясь от вас, как недовольные вами. Ибо если бы мы, составляя такое огромное число людей, удалились от вас в какой-либо отдаленный угол земли; то, конечно, потеря столь многих, каких бы то ни было, граждан не только была бы позором для вашего господства, но вместе с тем и наказанием* (Тертуллиан. Аполгия, 37).

Христианам эпохи гонений приходилось доказывать властям империи свою лояльность и свою пригодность для полноценного участия в жизни гражданского общества. Но власти оставались глухи к этим доказательствам. И вдруг то же самое поколение гонимых и притесняемых христиан становится свидетелями признания Церкви как интегральной части общества. Более того, в течение нескольких лет после издания Миланского эдикта христианство превращается в духовную силу, во многом определившую ход дальнейшей истории империи и всего мира.

По результатам Миланских соглашений императоры Константин и Лициний утверждают нечто совершенно новое, неслыханное для своих современников. Они всенародно заявляют: *Итак, руководствуясь здравым и правым смыслом, мы объявляем следующее наше решение: никому не запрещается свободно избирать и соблюдать христианскую веру и каждому даруется свобода обратить свою мысль к той вере, которая, по его мнению, ему подходит, дабы Божество ниспосылало нам во всех случаях скорую помощь и всякое благо... Отныне всякий, свободно и просто выбравший христианскую веру, может соблюдать ее без какой бы то ни было помехи... [Христианам] даруется неограниченная свобода... дается свобода и другим, по желанию, соблюдать свою веру, что и соответствует нашему мирному времени: пусть каждый свободно, по своему желанию избирает себе веру* (цит. по: Евсевий. Церковная история 10, 5).

Важно отметить, что данный документ предоставлял свободу христианству не в ущерб другим религиям Римской империи; последователи различных языческих культов сохраняли свои права и свободы, как и прежде. Однако в Миланском эдикте, по сути, признавался тот факт, что Церковь — не какая-то маргинальная секта, разлагающая традиционные общественные устои. Напротив, авторы документа убеждены, что христиане способны обратить милость Бога ко всему народу.

Богоугодность и полезность христиан для общества – вот на что опирался новый эдикт, выражая надежду на то, что «*Божество*» ниспошлет властям и народу империи «*во всех случаях скорую помощь и всякое благо*». Эти строки не просто уравнивали христиан в правах и свободах с язычниками, но открывали перед ними возможность заявить о себе как о новой силе, способной положительно влиять на общество, наполнять божественным смыслом его существование.

Благодаря Миланскому эдикту христиане оказались перед необходимостью думать не только о своем спасении и о благе своей небольшой общины. Новое положение в обществе заставило их задумываться о качестве этого общества, о своей роли в нем – роли активных граждан, молитвенников за отечество, людей доброй воли.

В новых условиях христиане – епископы, богословы, монахи и множество мирян – не растерялись. В империи начался бурный расцвет христианской мысли и культуры, зародилась христианская историософия, сформировалось новое отношение Церкви к окружающему ее миру. Эпоха, начало которой положило издание эдикта, вошла в историю как золотой век христианства, а для империи эта эпоха стала временем смены мировоззренческих парадигм. Богословие Церкви легло в основу нового понимания личной, социальной и государственной ответственности, повлияло на обновление всех институтов общества, дало новый ценностный фундамент семейным отношениям, отношению к женщине, повлекло за собой постепенное изживание института рабства в империи. Новая империя соединила в себе римскую культуру правовых отношений, греческое искусство изящной мысли и благочестие Иерусалима. А христианство стало в нем новой религией, фундаментом нового мировоззрения, способного объединить все многообразие рас и народов империи. Получив исторический шанс, Церковь воспользовалась им сполна.

Принцип свободы совести, провозглашенный в Миланском эдикте, лег в основу нового отношения власти к подданным. За шестнадцать веков Миланский эдикт предвосхитил то, что в полной мере стало возможным только в XX веке, после столетий войн и дискриминации. В целом ряде международных документов, положенных в основу современного мирового права (таких как, например, «Международный билль о правах человека», «Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод») свобода исповедовать свою веру и жить в соответствии с ней – главная идея эдикта – постулируется как одна из важнейших свобод человеческой личности.

Нечто подобное тому, что произошло в Римской империи в 313 году, совершилось 25 лет назад в масштабах тогдашнего Советского Союза. Мы были свидетелями того, как Церковь в нашей стране, после многих испытаний и кровавых жертв, вдруг вышла из гетто, встала с колен и начала свое победное шествие по городам и весям. Значительная часть общества вновь обрела свою христианскую идентичность. Конституция Российской Федерации и Конституции других независимых государств, возникших на постсоветском пространстве, ясно выразили

государственное признание свободы вероисповедания. Конечно, эта свобода декларировалась и раньше, но на деле только после 1988 года она обрела реальные очертания, и христиане вновь получили исторический шанс на необъятных просторах России, Украины, Белоруссии, Молдовы, Грузии, Армении, Азербайджана, Средней Азии, Прибалтийских стран.

А началось все с того, что в середине 1980-х годов в центре общественной дискуссии в СССР остро встал вопрос о свободе совести. В этой дискуссии активную роль играла Церковь. Вновь, как и шестнадцать столетий назад, самим фактом своего существования, вопреки окружающей действительности, Церковь обнажила кризис свободы, а вместе с тем она обнажила внутреннюю хрупкость прежнего порядка вещей. В рушившейся системе ценностей более не находилось ни политической, ни экономической, ни смысловой скрепы, способной объединять народ.

И вот, совершенно неожиданно, в контексте празднования 1000-летнего юбилея Крещения Руси, задуманного изначально как сугубо церковное торжество, в народном сознании пробудилось то, что принято называть генетической памятью, национальной или религиозной идентичностью. Тысячи и миллионы людей по всему Советскому Союзу открыто выразили свою позицию, приняв участие в торжествах, наполнив храмы и площади во время юбилейных богослужений. Властям ничего не оставалось, как увидеть и признать, что Церковь – не музейный экспонат и не зверь в клетке, а духовная сила многомиллионного народа, способная его возродить и обновлять. Те события положили начало возрождению Церкви, которое неслучайно совпало с коренными изменениями в государственной и социальной системе нашей страны.

Некоторые события в истории Церкви нельзя объяснить иначе, как чудом Божиим. Таким чудом стала эпоха, последовавшая за Миланским эдиктом 313 года. Не меньшее чудо произошло в нашей стране в конце 1980-х годов. Могли ли люди, которые всего лишь за несколько лет до этого рисковали ради своей веры благополучием, а в некоторых случаях и жизнью, расценивать неожиданно свалившуюся на их головы свободу иначе, чем чудо и Божий дар? Могли ли они ожидать, что безбожная идеология рухнет, а на смену ей придет иное мировоззрение, в котором Благая весть Церкви снова будет рассматриваться как одна из основ общества и залог его успеха в будущем? Бесчисленные верующие, собравшиеся на торжества в июле 1988 года, могли бы повторить слова, некогда произнесенные Евсевием Кесарийским по случаю всеобщих церковных торжеств, ознаменовавших новую эпоху: *Исчез всякий страх, в котором прежде держали нас мучители. Теперь наступили радостные и торжественные дни многолюдных празднеств: все исполнилось света* (Евсевий Кесарийский. Церковная история, кн. 10).

В обоих случаях именно дарование религиозной свободы предварило дарование прочих гражданских свобод, рассматриваемых в наше время как одно из главных достижений демократического общества. И это не случайно, потому что именно в христианской системе

ценностей понятие свободы получает особое содержание. Мы, христиане, убеждены в том, что дар жизни – это дар Божий, и что сама человеческая жизнь не подвластна никому, кроме Создателя человеческого рода. Эта убежденность делает христиан свободными от гнета любой политической силы и любой идеологии. Она делает их способными быть мучениками и исповедниками, когда Церковь гонят; свидетелями истины и благовестниками Царствия Божия, когда Церковь признают. Никакой другой религии или идеологии не свойственно такое трепетное отношение к свободе. Н. Бердяеву принадлежат такие слова: *Свобода, прежде всего свобода – вот душа христианской философии и вот что не дается никакой другой, отвлеченной и рационалистической философии* (Бердяев. Философия свободы. Ч. 1).

Христианская свобода не отрывает нас от наших семей, от социальных связей, от нашего отечества. Напротив, в самом христианском понимании свободы, в признании абсолютной и живительной связи человека с Богом заложен огромный силы нравственный потенциал. Будучи творением благого Бога, сынами и дочерьми Создателя, мы призваны возделывать данный нам во владение сад, тем самым приближая Царствие Божие к роду человеческому. Именно этот нравственный потенциал, укорененный внутри свободной человеческой личности, и увидел в христианстве император Константин, позволив этому мощному позитивному созидательному заряду высвободиться и воздействовать на все общество.

Этот же потенциал христианской свободы высвободился в нашем народе после десятилетий идеологического гнета. Я убежден, что наш народ именно потому преодолел колоссальную социальную и экономическую катастрофу 1990-х годов и нашел в себе силы встать с колен, что в нем все еще течет христианская кровь и в глубине нашего национального сознания все еще не стерто представление о христианской свободе.

В последнее время мы все чаще и чаще можем наблюдать, как в странах Запада, а некоторыми и в нашей стране провозглашается иная свобода: от нравственных начал, от общечеловеческих ценностей, от ответственности за свои поступки. Мы видим, насколько эта свобода деструктивна и агрессивна. Вместо уважения к чувствам других людей она проповедует вседозволенность, игнорирующую убеждения и ценности большинства. Вместо подлинного утверждения свободы она утверждает далекий от элементарных нравственных ориентиров принцип неудержимого удовлетворения человеческих страстей и пороков.

Агрессивный настрой такой ложно понятой свободы приближает ее к тоталитаризму эпохи гонений и безбожия двадцатого века. «Тоталитарная свобода», основанная на человеческих страстях, возвращает нас во времена язычников, пусть и в более лукавой и изощренной форме. На наших глазах вновь разворачиваются картины, знакомые нам по событиям безбожных десятилетий нашей страны. Воинствующее безбожие, нередко в самых уродливых и гротескных

формах, вновь подняло голову и смело заявило о себе на просторах Европы. Нравственный релятивизм и вседозволенность возводятся в основной принцип бытия. И вот уже мы видим, как по Лондону разъезжают автобусы с надписями «Бога нет, наслаждайся жизнью» или «Ты гей, гордись этим». Слышим о том, как в Париже дубинками и слезоточивым газом разгоняют демонстрацию сторонников традиционных семейных ценностей, не желающих усыновления детей однополыми парами. Становимся свидетелями того, как на амвоне главного храма Москвы появляются кощунницы, своими действиями вызывающие одобрение некоторой части общества.

В этом контексте исторический урок Миланского эдикта становится чрезвычайно ценным. Он показывает, что новый виток развития цивилизации должен основываться на той свободе, которая покоится на прочных нравственных основаниях. Именно из такой свободы и должны вырастать все прочие виды свобод, из нее же вырастает и государство, чуждое тоталитаризму. В противном случае свобода вновь становится лишь декларируемой абстрактной ценностью, а либеральная идеология закрепощает и зомбирует человека подобно тому, как это делала безбожная идеология в недавнем прошлом.

В IV веке Церковь впервые в своей истории начала интегрироваться в гражданское общество, христиане впервые почувствовали возможность реализовывать свою веру и свои убеждения на благо своего земного отечества. Сила христианского богословия – богословия искупления и воскресения, богословия Царствия Божия, пришедшего в силе, – должна была раскрыться в жизни многих народов, населявших тогдашнюю экумену.

В наши дни Церковь и ее Священное Предание (Традиция) стали открытием для нашего народа. Целое поколение оторванных от Церкви людей заново находили веру. Ситуация, в которой мы оказались – ситуация обретения забытой Традиции, воцерковления общества, возрождения Церкви – поставила перед нами задачу: понять, что такое христианская Традиция с большой буквы и кто мы в этой Традиции. Кроме того, знакомство с историей христианской цивилизации, с историей Церкви, открыло перед нами понимание роли Церкви в совершенно разные эпохи – благоденствия и притеснений, ошибок и испытаний. Этого не знала Церковь в эпоху Константина, когда она только делала первые шаги в качестве признанного общественного института.

Мы можем сказать сегодня, что Церковь за прошедшие семнадцать веков стала более зрелой, более искушенной. Исторический опыт Церкви не позволяет нам, получив свободу, не распорядиться ею с умом. Сегодня от Священноначалия Церкви требуется особая мудрость, потому что мы получили такой исторический шанс, который не вправе упустить. Святейший Патриарх Кирилл воспринял эту миссию, сделав одним из приоритетов своего служения выстраивание отношений Церкви с государством, институтами гражданского общества и с каждым гражданином, способным слышать слово Церкви. В день своего восшествия на патриарший

престол он сказал об уникальной для России исторической возможности реализовать древнюю христианскую идею «симфонии» церковно-государственных отношений. По мысли Патриарха, одна из магистральных идей приснопамятного Патриарха Алексия о том, что «Церковь отделена от государства, но не отделена от общества», должна в наше время получить свое логическое продолжение и развитие.

Еще не будучи Патриархом, тогдашний председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Кирилл говорил о свободе и ответственности как двух абсолютных ценностях, без взаимодействия между которыми невозможно построить справедливое общество. Сегодня все чаще подобные мысли звучат из уст государственных мужей. Сегодня Церковь и государство в России, а также в некоторых других странах постсоветского пространства способны говорить единым голосом, выражать единую позицию.

Недавно мне пришлось принять участие в заседании Валдайского клуба – дискуссионной группы, созданной 10 лет назад президентом России Владимиром Путиным. На этом заседании президент сказал о том, о чем наша Церковь говорила на протяжении последних лет – о сознательном отказе европейских стран от своей христианской идентичности: «Мы видим, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнерство, веру в Бога или веру в сатану... И эту модель пытаются агрессивно навязывать всем, всему миру. Убежден, это прямой путь к деградации и примитивизации, глубокому демографическому и нравственному кризису».

Продолжая свою мысль, президент России подчеркивает: «Без ценностей, заложенных в христианстве и других мировых религиях, без формировавшихся тысячелетиями норм морали и нравственности люди неизбежно утратят человеческое достоинство. И мы считаем естественным и правильным эти ценности отстаивать. Нужно уважать право любого меньшинства на отличие, но и право большинства не должно быть поставлено под сомнение».

Какой же путь предлагает Путин для России? Какие ценности считает ключевыми для развития нашего общества? «Нужно быть сильным в военном, технологическом, экономическом отношении, но все-таки главное, что будет определять успех, – это качество людей, качество общества интеллектуальное, духовное, моральное. Ведь, в конце концов, и экономический рост, и благосостояние, и геополитическое влияние – это производные от состояния самого общества, от того, насколько граждане той или иной страны чувствуют себя единым народом, насколько они укоренены в этой своей истории, в ценностях и в традициях, объединяют ли их общие цели и

ответственность. В этом смысле вопрос обретения и укрепления национальной идентичности действительно носит для России фундаментальный характер».

Я не случайно столь подробно остановился на валдайской речи Путина. Она показалась мне знаковой. Она свидетельствует о том, что позиция Русской Православной Церкви и других традиционных конфессий нашей страны не просто услышана, не просто принята к сведению. Кажется, мы, наконец, дожили до того времени, когда голос государственных лидеров может звучать в унисон с голосом людей веры. Не является ли это красноречивым свидетельством того, что «симфония», о которой говорил Патриарх в день интронизации, обретает реальные очертания?

Созвучие между Церковью и государством в оценке общественных процессов ни в коей мере нельзя считать признаком «слияния» между ними. Принцип взаимного невмешательства Церкви и государства во внутренние дела друг друга должен сохраняться и сохраняется. Но этот принцип должен быть уравновешен другим, не менее важным принципом: сотрудничества Церкви и государства во всех тех областях, в которых это сотрудничество возможно и необходимо. А оно оказывается необходимым в самых разных областях, сопряженных со сферой общественной нравственности.

Сегодня и государство, и представители религиозных конфессий, а также безрелигиозные люди, неожиданно для себя оказавшиеся в меньшинстве, могут принимать полноценное участие в дискуссии о ценностных ориентирах общественного развития. Мы должны создать такое общество, в котором никому не будет некомфортно, в котором каждый сможет реализовать свою богодарованную свободу. Но при этом свобода не должна превращаться во вседозволенность. Каждый член общества должен чувствовать свою ответственность не только за себя, но и за свое отечество, за весь окружающий мир.

Сегодня мы не можем рассматривать общество как бездушный механизм, управляемый юридическими нормами. Общество – это еще и духовный организм, который управляется духовными законами. Не зря мы говорим о нравственном и безнравственном обществе, об обществе больном и обществе здоровом. Возможности государства воздействовать на духовную сферу человеческой жизни весьма ограничены, тогда как Церковь обладает здесь огромными возможностями. Для того чтобы интересы общества реализовались в полной мере, необходимо, чтобы гражданская свобода, которую может и должно обеспечивать государство, сопрягалась со свободой религиозной. Потому что именно свобода является связующим звеном двух сфер общественной жизни: гражданской и духовной.

Тема эта сложна и многогранна, она провоцирует дискуссии и в дискуссиях нуждается. На

протяжении всей христианской истории, с тех самых пор, как в Милане был подписан исторический эдикт, даровавший Церкви свободу, Церковь находится в непрерывном диалектическом развитии: она, с одной стороны, должна сохранять свою купленную ценой крови свободу, с другой стороны, она призвана ее реализовывать.

Любая свобода ценна, когда она сопряжена с ответственностью и жертвенностью. Обладать свободой – значит для Церкви оставаться «солью земли», евангельской закваской, духовной силой и совестью народной. Реализовывать свою свободу означает действовать, использовать те возможности, которые дает Господь для служения и для проповеди. Так устроен мир, что свобода – это условие решительного, но обдуманного действия. Свобода – это средство, условие творчества. А творчество – это вовлеченность в жизнь общества со всеми его внутренними противоречиями.

Нам суждено жить во времена, когда в наших руках, в руках христиан, оказался драгоценный дар свободы – тот же дар, который получили христиане в эпоху императора Константина Великого. Этот дар Божественного Промысла открывает перед нами огромные возможности. Однако дар свободы еще и возлагает на нас колоссальную ответственность. Умение распорядиться даром свободы требует от старшего поколения людей Церкви особой мудрости, а от молодых делателей на ниве Божией – колоссальной самоотдачи.

Говоря об идее христианской свободы как нити, которая связывает эпоху Константина с нашей эпохой, я обращаюсь мыслью к подвигу апостолов и мучеников, апологетов и святых отцов IV и последующего столетий вплоть до новомучеников и исповедников Церкви Русской. С самого момента своего зарождения, через все поколения, благодаря подвигу героев духа, Церковь как зеницу ока охраняла свою свободу. И что бы ни говорили исследователи о церковно-государственных отношениях в Византии и на Руси, в самой сердцевине своей Церковь оставалась свободной вне зависимости от внешней политической конъюнктуры. Свобода исповедовать Христа Господом и жить по Его заповедям останется константой для жизни Церкви и для жизни каждого христианина до того момента, когда «небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят» (2 Пет. 3. 10).

Хочу пожелать всем вам, а в вашем лице всему будущему поколению Церкви сохранять дух той христианской свободы, которая почитает тщетой все, что не преклоняет главы пред Богом живым и перед Спасителем мира Иисусом Христом. Сохраняя эту внутреннюю свободу, не бойтесь творчества, не бойтесь риска творчества. Ибо Господь призывает нас быть Его соратниками в этом мире, а соратничество не может не быть творчеством в самом высоком смысле этого слова.

И еще одно пожелание, которое я хотел бы сегодня адресовать всем нам: неся в мир слово

Христово, не будем забывать о том, что лучшим свидетельством всегда был и будет пример нашей собственной жизни. Пусть наше творчество начинается в наших душах, в наших семьях, приходах и монашеских общинах, в духовных школах, в епархиях и митрополиях. Тогда сила нашего свидетельства достигнет всей полноты общества и каждого его члена. Тогда мы сможем своими прожитыми достойно жизнями возблагодарить Бога за драгоценный дар свободы, который Он дает нам, христианам, и который никто не вправе у нас отнять.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/52172/>